

его бросить университетъ и сдѣлаться армейскимъ гусаромъ. Ростовъ буквально бросается въ объятія Павлоградскаго гусарскаго полка, привязывается къ нему, какъ къ родной семье, дорожитъ его честью, дѣлаетъ благодаря этому рискованные промахи, въ которыхъ не разъ каєтся, и, при всей своей юношеской обидчивости и вспыльчивости, покорно выслушиваетъ выговоры старииковъ, поучающихъ его уму-разуму и преподающихъ ему главныя начала гусарской нравственности.

Онъ съ негодованіемъ порицаетъ адъютантство для себя и бросаетъ подъ столъ рекомендательныя письма.

У Ростова идеалы, кумиры и авторитеты растутъ какъ грибы въ дождливую пору. Вѣровать, любить слѣпо, страстно, преслѣдуя ненавистью фанатика тѣхъ, кто не преклоняется передъ его идолами—это потребность его кипучей натуры. Подобная потребность проявляется особенно рельефно въ восхищенномъ взглядѣ на государя. «Только умереть, умереть за него», — шепчетъ онъ, при видѣ государя во время высочайшаго смотра въ Ольмюцѣ.—«Боже мой, какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огнь».

Весь поглощенный своею восторженностью къ государю, Ростовъ главнымъ образомъ обращаетъ свое вниманіе на то, что солдатъ неопрятенъ, неделикатенъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы находиться вблизи государя и останавливать его взоры. Въ солдатѣ Ростовъ видитъ въ эту минуту не умирающаго человека, не мученика, мужественно принявшаго страданіе за того же государя, а только грязное, кровавое пятно, способное замарать ту картину, на которую